

УДК: 811.161.1

Ю.А. Эмер

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ГОРОДА В ФОЛЬКЛОРЕ: К ПРОБЛЕМЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГОРОЖАНИНА¹

Целью статьи является описание пространственной организации Томска, отраженной в фольклорных песенных текстах в качестве способа коллективной идентификации горожанина. На материале жестоких романсов, баллад, активно бытующих в городской среде, автором выявляется, что неудовлетворенность потребности в коллективной идентификации современный горожанин сублимирует в обращении к фольклорному тексту, позволяющему ему обозначить себя в многофункциональной структуре бытия через личностное осознание городского пространства, аксиологическую ориентацию его объектов.

Ключевые слова: фольклор, городское пространство, жестокий романс, картина мира.

«Город», «образ города», «душа города» – данные категории находились и находятся в фокусе внимания социологов, политологов, философов, архитекторов, географов, филологов, исследующих город в культурно-антропологическом, семиотическом, ментальном и других аспектах в целом, а также обращающихся к описанию отдельных сторон городской среды (см.: [1, 2, 3, 4, 5] и др.).

Одним из основных тезисов данных исследований является положение о том, что город, являясь средой обитания человека, формирует стиль жизни, ценностные установки, поведенческие реакции индивида, его картину мира (см. например, работы [6, 7, 8] и др.). Городская среда в многообразии информационных, культурных, социальных практик создает «текст города» как «совокупность сообщений, отправляемых зданиями и памятниками, улицами и площадями, садами и парками...» [9. С. 227]. В сознании горожанина формируется представление о городе как сложной системе индивидуально/коллективно сложившихся значений, получающее отражение в текстах о городе, т. е. городских текстах, имеющих разную жанровую и дискурсивную природу (см. работы [10, 11] и др.).

В первую очередь восприятие города индивидом связано со структуризацией городского пространства. Пространство является одной из основополагающих категорий, моделирующих мир. Отражение городского пространства в сознании горожанина определяет восприятие города человеком, организует его бытие. Внешнее городское пространство в сознании горожанина наполняется внутренним содержанием. Объекты городского пространства предстают как семиотически нагруженные, поскольку они семиотически взаимодействуют с желаниями,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-14-70003).

представлениями, установками индивидуума или коллектива, отдельной социальной группы. Данное восприятие выражается в художественных, бытовых, медийных, фольклорных текстах, в которых получает не только соответствующую дискурсивную оболочку, но и особую интерпретацию.

1. Современный фольклор как конгломерат традиционных, недавно появившихся жанров и маргинальных форм бытует в городской среде, демонстрируя одновременно непрерывность и изменчивость, отражая установки современного фольклорного сознания. Одной из характерных особенностей современной фольклорной среды является ее «мозаичность». Основы ее формирования лежат в социально-исторической и социокультурной области. Это и исторические события, приведшие к смешанному составу населения Томска, и общекультурные факторы взаимодействия устной и письменной традиции, и научно-технический прогресс как основа урбанизации, способствовавшей тесному взаимодействию деревенского и городского фольклора, наивной литературы и массовой литературы. Жестокий романс, баллада, дворовая песня активно функционируют в городской среде. Указанные жанры занимают особое место среди фольклорных жанров, являясь связующим звеном между традиционным и современным фольклором, при этом сохраняя основы фольклорного миромоделирования.

Цель данной статьи — описать пространственную организацию Томска, отраженную в фольклорных песенных текстах в качестве способа коллективной идентификации горожанина.

Материалом послужили тексты городских романсов, бардовских песен (бытующих по фольклорным законам), зафиксированные в городской среде Томска. Тексты взяты из личной коллекции автора, из городского интернет-контента, собраны студентами во время фольклорных экспедиций.

Городской фольклор, развивающийся преимущественно в границах субкультур, представлен разными жанровыми формами и обслуживает множество социальных групп. В отличие от деревенского жителя горожанин включен в выполнение большого количества социальных ролей, входит в большое количество субкультур, чаще оказывается в разных субкультурных ситуациях (термин С.Ю. Неклюдова), различным образом идентифицируя себя в каждой. Установка на осознание собственной вписанности в мир, с одной стороны, является насущной потребностью человека, а с другой — в современных вариативных условиях бытия представляет для него особую сложность. Одним из способов решения подобной проблемы для современного человека становится обращение к различным формам осуществления культуры. Одной из «вечных» форм ее реализации является фольклор, который при этом заслуживает особого доверия обывденного человека в силу заложенных в нем ценностно-предписывающих установок. В городском фольклоре существует определенное количество текстов, служащих идентификации индивида в сложной структуре человеческого существования, которая осуществляется по разным принципам. В данной статье наше внимание сосредоточено на пространственных основаниях такой идентификации.

Проведенное нами исследование показало, что перечень «знаковых

мест», позиционируемых медийным, официальным дискурсами как ключевые для идентификации горожанина, практически не совпадают с перечнем семиотически нагруженных объектов городского пространства в фольклоре. Это в первую очередь объясняется разницей дискурсивных установок. Так, в медийном дискурсе, осуществляющем информативную и идеологическую функции в современном обществе, ключевыми оказываются объекты, связанные с официально выделенными историческими событиями (*Воскресенская гора* как место основания Томска), значимыми в рамках обозначенных дискурсов событиями политической жизни Томска (*памятник жертвам политических репрессий* как место проведения митингов), событиями культурной жизни города (*памятник А.П. Чехову* как место проведения чеховских пятниц): *Воскресенская гора – одно из живописных и любимых томичами мест. Расположенная здесь белокаменная церковь – ровесница Томска. Томичи и гости нашего города любят подняться вверх по Октябрьскому взвозу, посмотреть на остатки булыжной мостовой...* (<http://krasnoeznamya.tomsk.ru/?news-name=3956>) / *Одним из излюбленных мест отдыха томичей является набережная реки Томи, настоящей «изюминкой» которой стал памятник А.П. Чехову работы томского скульптора Леонтия Усова. Группа томских энтузиастов решила дополнить эту достопримечательность организацией литературно-музыкальных вечеров различной тематики* (<http://tn.tomsk.ru/archives/4602>). В приведенных текстах *Воскресенская гора* и *памятник А.П. Чехову* предстают как ключевые объекты для города (*одно из любимых томичами мест / одним из излюбленных мест отдыха томичей*). В первую очередь актуализируется либо их историческая хронологически значимая характеристика (*ровесница Томска, остатки булыжной мостовой*), либо событийная характеристика, связанная с культурной жизнью города (*организация литературно-музыкальных вечеров*). При этом в приведенных текстах данные места описываются как объекты, с помощью которых человек может идентифицировать себя именно как житель Томска. Указание названия улицы, имени скульптора помогает актуализировать в сознании горожанина знания, связанные с уникальностью Томска, участвует в формировании целостного представления города как «своего» пространства.

Знаковыми для фольклора оказываются районы, улицы города не как административного центра, города культурных памятников, а города «бытового» (где бытовое, в соответствии с принципами фольклорного миромоделирования, перерастает в «бытийное»), города отдельного человека, томича. На смену памятнику Чехову, камню на Воскресенской горе приходят улицы, переулки, районы Томска, которые имеют аксиологическую ценность для горожанина, представляя во многом параллельную официальной версии структуру городского пространства.

На «фольклорной» карте города в первую очередь выделяются районы Томска: Черемошники, Заисточье, район Иркутского тракта, Спичфабрики, отдельные улицы, например Советская, пер. Ванцетти. Все перечисленные объекты – это жилые районы, расположенные в разной удаленности от центра города, имеющие свою историю, мифологию.

Стереотипное представление о городе, его районах, характерное для

бытового сознания горожанина, кристаллизуется в фольклоре, получая аксиологически нагруженное содержание.

Номинации географического объекта, района, улицы в песенном фольклорном тексте связаны с определенным сюжетом. Они могут служить мотивацией, объяснением происходящих событий, действий героев, актуализируя семиотические представления о данном районе, его жителях. Так, например, в песне «За Истоком, за Истоком пацана убило током» топос обозначен при помощи лексем *за Истоком* уже в начале песни, позволяя актуализировать знания горожан о данном месте как криминальном депрессивном районе города. Такое восприятие этого района в дальнейшем разворачивается в сюжете песни, конкретизируя данное представление.

Отметим, что в жестоком романсе и современной балладе можно наблюдать изменение структуры фольклорного слова. Оно практически теряет символическое, семиотическое значение, приближаясь по функциональным особенностям к своему «бытовому двойнику». При этом слово в этих жанрах – это в первую очередь художественное слово, направленное на выполнение эстетической функции. В нем, пусть и в меньшей степени, чем в традиционном фольклоре, проявлена «сакральность», свойственная фольклору. На наш взгляд, номинация топоса, наделенная в сознании горожан стабильной оценочностью, символическостью, позволяет тексту иметь несколько уровней прочтения: от буквального к символическому: *За Истоком, За Истоком пацана убило током. Он любил девчонку Таню, приходил он к ней с цветами. Как случилось, как же вышло, непонятно, как случилось, Подскользнулся он на крыше или упал с нее специально.* В этом случае Заисточье – обозначение не только топоса, где происходит трагическое событие, но и «пространство, опасное для жизни человека». Исползованные в тексте лексемы *пацан, девчонка* при номинации героев, лексемы *сигарета в пальцах тонких, два кастета, бритва* как их характеристики участвуют в моделировании по фольклорным принципам картины мира. Конечно, в жестоком романсе номинация топоса не всегда присутствует, однако указание конкретного города, знакового места все же встречается (*Как на кладбище Митрофаниевском, мы с тобою жизнь прикончим на Литейном, на мосту, как на главном Варшавском вокзале*). Указание конкретного района города, в котором разворачиваются события, позволяет не просто «оживить» в сознании горожан знание о данном месте, но обозначить, закрепить статус «опасное пространство» за определенной пространственной точкой города, идентифицироваться каждому жителю относительно субкультуры района города.

Статус «опасного пространства для горожан, не проживающих в данном районе» закреплен в сознании томичей за районом Черемошники. В быличках, легендах, рассказанных горожанами, выявляются характерные черты топоса: замкнутость «своего, живущего по иным законам, чужого для горожан» мира (*И вот однажды пришлось ей на Черемошники к нему съездить...* – ключевая фраза былички, сюжет которой повествует о трагической истории горожанки). Заметим, что уже в начале XX в. была популярна песня: *Черемошники белые – ветки густые, / Кочевники смелые, бакланы лихие... (праздные)*, в которой район описывался как криминальный.

В современных песенных текстах район также предстает как место проживания асоциальных элементов: *Я ж черемошнинский, нарики и алкоголики – моя среда*. Моделируется картина мира жителя депрессивного района: *Я с похмелья зашел к Валерке, а денег нету на опохмел. Пойду на рынок, стрельну десятку, И станет радостно мне на душе. А мимо катят машины в центр, У них своя жизнь...* Просторечные, жаргонные лексемы *похмелье, опохмел, стрельнуть* противопоставляются стилистически нейтральным *центр, своя жизнь*, моделируя оппозиционные отношения «свой мир Черемошников» / «мир города».

И Заисточье, и Черемошники, вне зависимости от географического расположения, предстают в фольклорных текстах как «отдельные» пространства, имеющие собственные границы, противопоставленные другим районам города. Они имеют собственную историю, закреплённую в сознании горожан, каждый из которых может идентифицировать себя как «свой/чужой» по отношению к ним.

По-другому в текстах представлен район Иркутского тракта. В реальной городской структуре – это спальный район с большим количеством многоэтажных домов, отдаленный от центра города, не имеющий «своего лица». Все выше названные характеристики находят отражение в фольклорном тексте: *съезжу на фонтан на тачке* (удаленность от центра), *встретил любимую здесь, гопстануть киоск с цветами* (социальная неоднородность жителей). Отметим, что если в предыдущих текстах идентификация/самоидентификация героев происходила с малой группой – по принципу локального проживания (*симпатичная такая... два кастета, два браслета, во все черное одета... бродит с бритвою в кармане; Черем – мой дом, алкоголики и нарики – моя среда*), то в данных текстах человек, «лишенный малой родины», позиционирует себя как томича, для которого город – место комфортного, гармоничного существования: *Доброе утро, мой город любимый, нет места в сердце для других городов*. В отличие от предыдущих текстов, в песнях об этом районе данный объект предстает как не имеющий собственных пространственных границ, он как будто растворяется в пространстве города, поэтому и жизнь героя, события происходят в разных точках города, а не района как замкнутого локального пространства: *А на Спичке пенсионеры сдают стеклотару / мотануть на площадь, встречусь там с друзьями / съезжу на фонтан, погулять с любимой*.

Картина мира в проанализированных песенных текстах выстраивается по фольклорным принципам: противопоставление «своего» и «чужого» пространства (пусть даже и в пределах одного города), предопределенность алгоритма поведения, ценностных доминант установками «своего» мира – все это результат отражения города в сознании горожанина.

Динамичность современной жизни, особая мобильность горожанина – частые выезды за пределы города, страны, обилие источников информации, социальная активность – получает отражение в фольклоре, представляющем в субкультурно обусловленных вариантах. «Одиночество в толпе», телефонные разговоры, электронные письма вместо непосредственного общения, отсутствие общественного (неформального) контроля за поступками

приводят, с одной стороны, к оторванности индивида от общества, с другой – к желанию идентификации с группой. Неудовлетворенность потребности в коллективной идентификации современный горожанин сублимирует в обращении к фольклорному тексту, позволяющему ему обозначить себя в многофункциональной структуре бытия через личностное осознание городского пространства, аксиологическую ориентацию его объектов.

Литература

1. *Ахметова М.В.* Бологое : «маленькая столица между двух столиц» / М.В. Ахметова, М.Л. Лурье // Отечественные записки. 2006. № 5. Т. 32. С. 207–217.
2. *Гурии С.П.* Образ города в культуре : метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm](http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm) (дата обращения: 25.12.2012).
3. *Каган М.С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. 480 с.
4. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М., 1982. 328 с.
5. *Острой О.С.* Город многоликий. СПб. : Изд-во РНБ, 2000. 304 с.
6. *Иванов В.В.* К семиотическому изучению культурной истории большого города // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2007. Т. 4 : Знаковые системы культуры, искусства и науки. С. 165–179.
7. *Лотман Ю.М.* Город и время // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 84–92.
8. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Топоров В.Н. Текст семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
9. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.
10. *Ермоленкина Л.И.* Трансформации идеологемы умный город в семантическом пространстве урботекста // Вестн. Том. гос. ун-та. Язык и культура. 2010. № 2(10). С. 5–10.
11. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Вестн. Том. гос. ун-та. Язык и культура. 2010. № 1(9). С. 74–85.

Emer Yulia. A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Julika71@mail.ru

SPACE MODEL OF THE CITY IN FOLKLORE: ON COLLECTIVE SELF-IDENTIFICATION OF A CITIZEN

Key words: folklore; urban space; cruel romance; picture of the world.

The paper describes the space structure of Tomsk reflected in folklore song texts as a means of collective self-identification of a citizen. The individual perception of the city is first associated with the structuring of the urban space. Space is one of the fundamental categories that model the world. Reflection of the urban space in the mind of townspeople determines their perception of the city, organises their existence. The external urban space in the mind of townspeople has inner content. Urban space objects are semiotically loaded as they interact semiotically with the desires, views and attitudes of an individual or a collective, a particular social group. This perception is reflected in folklore texts, it gets a proper discursive expression and special interpretation.

The material of the research are texts of urban romances and bard songs (existing by folklore laws) recorded in the urban environment of Tomsk. The texts are from the personal collection of the author, from the city's Internet content, from the results of students' folklore expeditions.

Significant for folklore are districts and streets of the city as a territorial unit and as a special place for an individual. In focus are the streets, alleys, districts of Tomsk that have axiological value for a simple citizen, representing largely a version of the urban space structure parallel to the official one. The stereotypical view of the city, its districts, characteristic of the citizen's everyday consciousness, crystallizes in folklore acquiring axiologically loaded content.

Such districts of Tomsk as Zaistoche and Cheremoshniki appear in folklore texts as "separate" spaces with their own borders opposed to the other districts of the city. They have their own history anchored in the minds of citizens, who can identify themselves as a "friend" or a "foe" in relation to them. Irkutsky tract district is presented in a different way. In the songs this district is described as having no spatial boundaries of its own, as if it dissolves in the space of the city, and therefore the life of the hero, the events take place in different parts of the city, not in the district as a closed local space. The picture of the world in the analysed song lyrics is organised according to the principles of folklore: the opposition of "native" and "foreign" spaces (even within the same city), predetermination of the behaviour algorithm, of value dominants by the orientations of the "native" world – all this is the result of reflection of the city in the mind of a citizen.

References

1. *Akhmetova M.V.* Bologoe : «Malen'kaya stolitsa mezhdru dvukh stolits» / M.V. Akhmetova, M.L. Lur'e // *Otechestvennye zapiski*. 2006. № 5. T. 32. S. 207–217.
2. *Gurin S.P.* Obraz goroda v kul'ture : metafizicheskie i misticheskie aspekty [Elektronnyj re-surs]. URL: http://www.comk.ru/html/gurin_doc.htm (data obrashheniya: 25.12.2012).
3. *Kagan M.S.* Grad Petrov v istorii russkoj kul'tury. SPb., 2006. 480 s.
4. *Linch K.* Obraz goroda / per. s angl. V.L. Glazycheva; pod red. A.V. Ikonnikova. M., 1982. 328 s.
5. *Ostroj O.S.* Gorod mnogolikij. SPb. : Izd-vo RNB, 2000. 304 s.
6. *Ivanov Vs.V.* K semioticheskomu izucheniyu kul'turnoj istorii bol'shogo goroda // *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. M., 2007. T. 4 : Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki. S. 165–179.
7. *Lotman Yu.M.* Gorod i vremya // *Peterburgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury*. SPb., 1993. Vyp. 1. s. 84–92.
8. *Toporov V.N.* Prostranstvo i tekst // *Toporov V.N. Tekst, semantika i struktura*. M., 1983. S. 227–284.
9. *Toporov V.N.* Peterburg i «peterburgskij tekst russkoj literatury». Vvedenie v temu // *Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo*: Izbrannoe. M., 1995. S. 259–367.
10. *Ermolenkina L.I.* Transformatsii ideologemy umnyj gorod v semanticheskom prostranstve ur-boteksta // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Yazyk i kul'tura*. 2010. № 2(10). S. 5–10.
11. *Rezanova Z.I.* Mifologema «Tomsk – sibirskie Afiny» v kommunikativnykh taktikakh publitsicheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noj periodiki g. Tomsk) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i kul'tura*. 2010. № 1(9). S. 74–85.